

Жун Лоюнь оказался прижат к твёрдой груди, с тревогой закрыл глаза, а в ушах отдавался сильный и беспорядочный стук сердца. Это напоминало барабанный бой в день его поединка, а также топот копыт, когда Хо Линьфэн искал его. Эти звуки заглушали шум дождя и ветра, нарушая покой в зале.

У дверей зала внезапно раздался крик.

Дождь усиливался, и Ду Чжэн, видя, что его господин долго не возвращается, принёс масляный зонт и накидку. Он ворвался в зал:

— Братец, береги себя, не простудись!

Остановившись, он увидел, что братец стоит рядом с Жун Лоюнем, оба покрасневшие от смущения.

Хо Линьфэн подошёл ближе, скрипя зубами, пробормотал:

— Какой выбор времени!

Схватив накидку, он развернул её и набросил на Жун Лоюня. Тот чувствовал себя крайне неловко, будто его застали за чем-то неприличным.

Он не осмеливался думать, что могло бы произойти, если бы Ду Чжэн не пришёл.

— Я пойду, — попытался он уйти, чтобы скрыться подальше. — Я отправляюсь в Башню Чжаому.

Сказав это, он сделал несколько шагов, затем, немного успокоившись, тихо добавил:

— Моя сестра любит горячие блюда в дождь, я просто поем... ничего больше.

Эта фраза, сказанная без причины, задела Хо Линьфэна за живое, и он почувствовал странное удовлетворение.

Дождь продолжал лить, и ученики, не имея возможности тренироваться, вернулись в Зал Цяньцзи, чтобы провести день в безделье. Когда стемнело, Хо Линьфэн заглянул в Безымянную обитель, но Жун Лоюнь ещё не вернулся.

Он сменил воду в вазе с лотосами, покормил сорок и голубей, собрал опавшие листья, но Жун Лоюнь всё ещё не возвращался.

Под дождём, вероятно, он останется ночевать.

Он вернулся в Бамбуковый сад, чтобы отдохнуть, но среди ночи его разбудили ветер и гром. Накинув одежду, он спустился вниз, чтобы укрепить ветви магнолии, и, закончив, окончательно развеял сон. Чуть позже полуночи, взяв зонт и ручной фонарь, он покинул Бамбуковый сад, вышел из Зала Цяньцзи и медленно прошёл по длинной улице до угла ворот.

Жун Лоюнь когда-то стоял здесь, ожидая его, и теперь он сам попробовал, каково это — ждать чьего-то возвращения.

К утру ветер стих, дождь прекратился, и с рассветом появилось яркое солнце.

Горожане собрались вместе — простые жители, торговцы, старухи, мужчины, лодочники,

прибывшие с пристани... Шум постепенно нарастал, смешиваясь с гневом и скорбью, а в глубине звучал надрывный плач.

Среди толпы, окружённой со всех сторон, стояла пара, перед ними на циновке лежала девочка, погибшая прошлой ночью. Она была изнасилована и убита, как и в пятнадцати других случаях в городе Сяоян, а у изголовья кровати были вырезаны три иероглифа — Жун Лоюнь.

Казалось, что погода прояснилась, но в Сицзяньлине воцарилась паника.

Хо Линьфэн всё ещё ждал... не зная, что за пределами дворца мир изменился.

Стук в дверь был резким и настойчивым, совсем не похожим на лёгкий удар женской руки.

Никто не ответил, и Жун Дуаньюй распахнула дверь, ворвавшись в комнату. Из курильницы поднимался лёгкий дымок, двухслойные занавески были полупрозрачными, а на кровати кто-то сладко спал. Она подбежала к кровати и хлопнула по щеке:

— Просыпайся, хватит спать!

Накануне они ели горячее блюдо с бутылкой сливового вина, и Жун Лоюнь, не выдержав крепости напитка, теперь едва мог открыть глаза.

— Не шуми... — пробормотал он, переворачиваясь, и его щека коснулась ногтя Жун Дуаньюй.

— В городе случилось несчастье, вставай! — сорвала она одеяло.

Жун Лоюнь приоткрыл глаза:

— Что случилось?

Жун Дуаньюй сказала:

— У одной семьи изнасиловали дочь, и она погибла.

Ей было трудно говорить, и она чуть не заплакала.

— Это точно так же, как и два года назад, у изголовья кровати... вырезано твоё имя.

Жун Лоюнь мгновенно проснулся, встал, оделся, завязал волосы, надел туфли и подошёл к окну, чтобы незаметно посмотреть вниз. На улице было шумно, горожане направлялись к Пагоде Мони, и там, у её подножия, стояли те самые родители, крича о несправедливости.

Жун Дуаньюй спросила:

— Что ты собираешься делать?

Жун Лоюнь закрыл окно:

— Приготовь повозку, я тихо вернусь во Дворец Буфань через задний вход.

Удивление сменилось спокойствием, и перед уходом он не забыл предупредить:

— Сестра, скажи девушкам в башне быть осторожнее, ночью лучше быть начеку.

Сказав это, он ушёл, сел в повозку и покинул Башню Чжаому, избегая толпы, чтобы вернуться

во Дворец Буфань. После ночи дождя и ветра улица за воротами дворца всё ещё была мокрой, и все ученики ждали приказаний на Платформе Мяоцан.

— Второй брат! — внезапно крикнул Дяо Юйлян, махая рукой перед залом.

Жун Лоюнь вышел из повозки и направился к нему, шаг за шагом вспоминая вчерашние события в зале. Сладкие сушёные груши, шум голосов и грудь Хо Линьфэна, к которой он прижимался, слушая его сердце. Переступив порог, он вернул себя к реальности и обратился к Дуань Хуайкэ, сидевшему в кресле:

— Старший брат.

Дуань Хуайкэ спросил:

— Ты уже знаешь о ситуации. Что ты собираешься делать?

Жун Лоюнь вздохнул, снова его спрашивают о планах, и он легкомысленно ответил:

— Убить его.

После этого случая все были в панике, и нужно было поймать этого насильника.

Дяо Юйлян подошёл ближе:

— Второй брат, я ругал его целый час.

Его голос был хриплым, вероятно, он кричал до хрипоты. Жун Лоюнь погладил его косичку и дал задание:

— Четвёртый брат, возьми учеников и обойди дома горожан, отметь те, где есть дочери, и после заката патрулируй возле них.

Дяо Юйлян получил приказ и сразу же отправился выполнять его. Жун Лоюнь выпил чаю, чтобы освежиться, но горький вкус вызвал лёгкое онемение на кончике языка. Враг в тени, а они на свету, и кроме усиления бдительности, они были полностью беспомощны. Он спросил:

— Старший брат, власти что-то делают?

Дуань Хуайкэ ответил:

— И власти, и армия отправили людей, но на них не стоит надеяться.

Кучка бездельников. Жун Лоюнь вдруг очень хотел, чтобы появился генерал из Сайбэя, будь он другом или врагом, его умение управлять войсками было бы на высшем уровне. Он ушёл в свои мысли, а когда вернулся к реальности, потер виски, ожидая ночи, чтобы выйти на поиски преступника.

Дуань Хуайкэ напомнил:

— Нужно поймать его как можно скорее. Глава дворца, старший ученик, все, кто силён в боевых искусствах, должны приложить усилия.

Жун Лоюнь машинально кивнул, его внимание зацепилось за «старшего ученика». Все уже знали, что произошло, и Ду Чжун, должно быть, тоже знал.

Он резко встал, не попрощавшись, и вышел из Зала Чэньби. Тихая Обитель Цзуйчэнь, запертый Павильон Цанцзинь, он дошёл до Зала Цяньцзи, чувствуя сильное беспокойство, но шагнул в ворота с необычайной решимостью.

Жун Лоюнь обошел Бамбуковый сад, шаги его стали тише, а решимость смешалась с обидой. В саду Ду Чжэн стирал одежду, увидев его, он широко раскрыл глаза, словно увидел убийцу.

— Где Ду Чжун? — спросил он.

Ду Чжэн ответил:

— Его нет, он вышел.

Жун Лоюнь подумал: «Его действительно нет? Или он не хочет меня видеть? Куда он вышел? В город, чтобы услышать о моих злодеяниях?» Он развернулся и ушёл, уже без прежней спешки, оставив лишь глубокую обиду.

Длинная улица, в тот день была хорошая погода, он бежал, запуская воздушного змея, а тот человек смотрел на него с улыбкой, следуя за ним. Теперь он шёл медленно, глядя на подол своей одежды, и наконец дошёл до входа в Безымянную обитель.

Подняв глаза, он увидел Хо Линьфэна, сидящего под навесом.

— Ду Чжун! — Жун Лоюнь внезапно вздрогнул, побежал по гравию, но остановился в нескольких шагах.

Он смотрел на него, от бровей до глаз, от сомкнутых губ до сжатых кулаков, всё было тщательно изучено.

Хо Линьфэн сказал:

— Я снова самовольно вторгся, глава дворца накажет меня?

Жун Лоюнь покачал головой.

— Не нужно.

После некоторого раздумья, не зная, с чего начать разговор о неприятностях, он переложил инициативу на другого:

— ...Ты искал меня?

Хо Линьфэн ответил:

— Я сменил воду и цветы в вазе, покормил птиц, убрал опавшие листья.

Закончив доклад, он встал и посмотрел на него.

— Вчера ночью я ждал у угла ворот до рассвета, у меня было что сказать, но сейчас всё забыл.

Жун Лоюнь сжал губы, чтобы не показать свою обиду. Немного помолчав, он с неудовлетворённостью подошёл к Хо Линьфэну, заглянул ему в лицо и с искренностью в голосе сказал:

— Ты не забыл, ты просто не хочешь мне говорить.

Он редко кому что-то объяснял, и слова давались ему с трудом:

— Я знаю, что ты, должно быть, уже слышал. Веришь ты или нет, но ты должен выслушать меня.

Он не осмеливался смотреть в глаза, поэтому смотрел на узоры на его одежде.

— Два года назад, когда произошло это преступление, меня не было в Сяояне, я был слишком далеко, чтобы поймать убийцу.

Хо Линьфэн спросил:

— Если это не ты, почему все верят, что это ты?

Жун Лоюнь ответил:

— Трое скажут — и это станет правдой, устами толпы можно растоптать даже золото!

Хо Линьфэн снова спросил:

— Где ты был прошлой ночью?

Жун Лоюнь торопливо ответил:

— Я всю ночь был в Башне Чжаому!

Он сделал полшага вперёд, с искренностью в глазах:

— Я ужинал с сестрой, выпил бутылку нового сливового вина, я был очень пьян... Я никуда не ходил!

Хо Линьфэн нахмурил брови. Он ждал в холодном ветре и дожде, а этот парень пил сливовое вино. Очень пьян... Кто помог ему войти в комнату, кто помог раздеться? Взглянув на его щёку, он заметил розовую отметину.

Дневник настроения Сяо Жуна 3: Раннее лето, дождь сменяется солнцем.

1. Полностью вымысел.
2. После написания этой строки я сам разберусь.

<http://bllate.org/book/16167/1449297>